Никита БРАГИН

Но куда ты, конь мой бледный?

ПАМЯТИ УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

1.
А паутинка памяти проснулась и летит,
а ветер веет севером
над широтой озерной,
свистит свинцом по серому,
порывист и сердит,
и над шатром возвышенным,
и под венцами черными.

А небо брызжет холодом
во всю седую ширь,
и чайки голосистые
скользят в потоках ветра,
а храм стоит недвижимо,
как старый богатырь,
и смотрит в даль онежскую,
и ждет он весть ответную.

А храм встречает каждого
с зари и до зари,
и ты к нему поднимешься,
войдешь, вздохнешь – и что же?
А небо в нем не серое,
ты только посмотри —
широко раскрывается
оно ромашкой Божией.

А небо в нем – и золото, и яхонт, и огонь,
и синева, и радуга, и тихий свет с востока!
Оно сияет солнечно, как Божия ладонь
надо малою былиночкой,
взыскующей высокого.

2.
На рассохшихся досках
слезе поминальной вослед
капли ярого воска,
да пламени пляшущий свет,
и сосновая хвоя
в горячем и едком дыму –
это время лихое
я с болью приму.

Приходи наказаньем
за годы моей суеты,
будь отточенной гранью
на самом краю пустоты,
стань открывшейся дверью
в кромешную темень тайги,
паутину безверья
безвременьем жги.

Пусть по черному шлаку
сквозь полночь протянется шлях,
пусть февральская слякоть
просохнет в его колеях,
пусть натянутся сети,
и точкой захлопнется круг,
и воротится ветер
на север и юг.

Урагану навстречу
вращаются стрелки часов –
этот путь безупречен
вдали от аккордов и слов,
в стороне от концертов,
конгрессов, советов, наград –
в разговоре со смертью
не нужен парад.

Просто чувствуешь кровно
на спящих в песке валунах,
на обугленных бревнах,
и в серых
как небо волнах –
здесь душа, что младенец,
рыдает – свети, не сгорай,
и ничто не заменит
пылающий рай!
Но над небом и словом,
за гранями ночи и дня
видишь образ шатровый
и внемлешь ему из огня…
Мне бы только коснуться
горючего сруба рукой –
словно с чайного блюдца
пить любовь и покой.

КОНЬ БЛЕД

Вдруг, безмерно, беззаконно,
безотчётно и сурово
разнесётся топот конный
и разбудит… Полвторого,
за окном темно и снежно,
под ребром лохмотья боли,
и летит душа кромешно,
словно ветер в чисто поле…
Но куда ты,
конь мой бледный,
ночью судной, тенью смутной
перескакиваешь бездны
безответно, безрассудно?

Или видишь гневным оком
полыхание пожара,
или слышишь счёт порокам
на пиру у Валтасара?
Или чувствуешь родную,
отлетающую в небо,
где Сидящий одесную
ей подаст вина и хлеба?

Нет, ни то
и ни другое, –
это слово на ладони,
это солнце за рекою,
где в росе играют кони,
это – стелется травою,
недосказанное пряча,
это – рвётся ретивое,
то ли плясом,
то ли плачем…

РЫБА МОЯ

Рыба моя золотая,
хозяюшка тихого плёса,
слышу, как ты заплетаешь
кувшинок зелёные косы,
вижу тебя в повечерье
девушкой на берегу,
сказке твоей верю, радость её берегу.

Рыба моя, серебрянка,
стройная дочь океана!
Сквозь перекат спозаранку
идёшь, не чувствуя раны…
Вижу тебя в кольчуге
светлых стальных колец,
вьющую в пенном круге
любви смертельный венец.

Рыба моя живая,
сетей галилейских свиток!
Семь испекли караваев,
тысячи были сыты.
Прочту анаграмму «ихтис»,
увижу размах креста –
в потоке порочных истин
правда твоя чиста.
Рыба моя, тайна – воды и самой жизни!
Вёсел плеск величальный,
полные солнца брызги!
Плыви, я тебя отпускаю
в твой сокровенный скит –
ты же одна такая, мир на тебе стоит.

ДЕРЕВНЯ СЕЛИВАНОВО

В доме царствуют седые пауки,
в доме душная, сырая тишина,
на дверях томятся ржавые замки,
за наличниками ночь темным-темна.

Ни движения, ни скрипа половиц,
только где-то тихо капает вода –
в эту ночь роса слезинками с ресниц,
и прохладно серебрится лебеда.

Это сердца упокоенного сон,
и в крапиве затаившаяся тьма,
а беспамятная жизнь со всех сторон
обступает опустевшие дома.

Но о смерти, наступившей и былой,
не беседуют ни разум, ни душа…
Только веет иван-чаем и сосной,
и малина, словно в детстве, хороша.

УСПЕНИЕ

С горящей свалки лезет едкий дым,
гниют деревья брошенного сада,
и гонит по раскисшей глине стадо
пастух, орущий матом неблагим.

Я вижу безотрадным и нагим
родное поле – так, что и не надо
перечислять все признаки распада
и голосить – спасите, мы горим!

Но сердце ждет малинового звона,
и лес одел осеннюю парчу,
и ласковым дождем умыты кроны.

Я останавливаюсь и молчу…
Успение – душа кладет поклоны,
и храм возносит купола свечу.

* * *

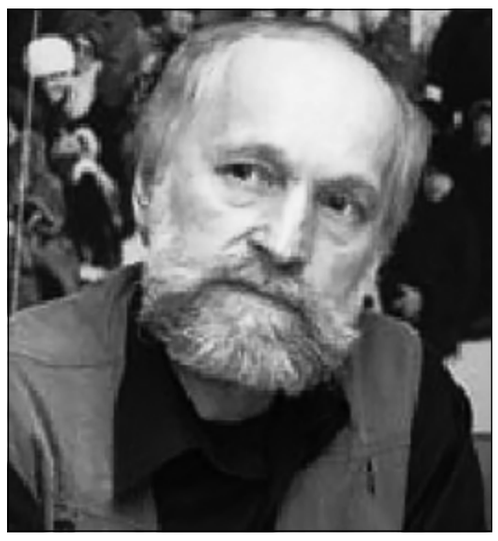
Дойдя до возраста Христа,
Впервые в жизни
Оглянулся:
Мне улыбнулась пустота,
Но я в ответ
Не улыбнулся.
Я понял:
Вот она – черта,
Я словно спал
И вдруг проснулся,
Но я ведь жил
Не просто так —
И неспроста я
Оглянулся.

* * *

Есть под ногами твердь земли,
Над головою – облака,
И птичий клин,
И звёзд угли,
И Млечного пути река.
Куда спешат в спирали дней,

Встречный

Рассказ



Михаил ПОПОВ

1.

Как с этим бывало до недавних пор? То годами молчат, не тревожат, совсем не дают о себе знать; минует пять, восемь, десять лет, и в круговерти будней, в суете повседневности ты и сам уже забываешь, что есть у тебя одна, самая главная мужская обязанность… И вдруг звонок, повестка из военкомата, распишитесь в получении. Что? Куда? Воинские сборы. Переподготовка. На всё про всё 24 часа. И в 9.00 ты, браток, как штык, обязан быть на сборном пункте, имея при себе военный билет, ложку-кружку и минимум необходимого на дорогу…

Примерно так произошло и тут. Походная труба взвилась по весне. Место назначения – Ярославщина. И – в путь…

По дороге выяснилось, что собрали их гуртом со всех родов войск, даже моряков, хотя ближайшее море, Рыбинское, и морем-то назвать нельзя. Волжский пузырь, вздувшийся по державно-индустриальной воле, – какое это море!

Дорога к месту назначения вызывала печаль и уныние. Заброшенные деревни, разорённые фермы и силосные башни, заметённые прошлогодним травяным мезозоем поля… И как причина исхода и одновременно укор – воздетый к небу перст колокольни посреди затопленного земного простора.

На службе, где не своя воля, сходятся, когда как. Когда по ранжиру: «В колонну по четыре стройся!». Или по номерам: «На первый-второй расчитайсь!» и номер второй иногда становится первым у пулемёта. Или, как на фронте, – «на котелок». Один, мелкий по калибру, меньше ест, зато тот, что кубатуристей, в случае надобы подсобит силой.

Так и тут. Их четверых сначала сбило-сплотило сборной теснотой, а потом они оказались в одном строевом гнездовье – тогда и познакомились. Архип Малыгин с Белого моря, Ростислав Шелег из Ростова-на-Дону, Степан Бурцев с Нижегородчины, Игорь Смолин из Смоленска. Вроде и случайно сошлись, будто кибасы-поплавки в неводе. А ежели прикинуть – и закономерно. Один рассуждает, другой подначивает, третий дополняет, а четвёртый, будто итог подводит. Или наоборот. В зависимости от обстоятельств или настроения. В русском мужике ведь всего понамешано: и швец, и жнец, и на дуде игрец; то до изнеможения мантулит, то баклуши бьёт; то лихачит, то горюет, то горе верёвочкой завьёт и тоску-кручину смехом разгонит…

После удручающих картин дороги, которая, казалось, не сулила ничего хорошего, им предстал не иначе оазис – до того аккуратным и частеньким оказался военный городок. Светлый забор, обкошенная по периметру трава, листва на кустах подстрижена – причём как? – шарами, пирамидами да кубами, точно в английском парке. Чудно и чудно! Небось декоративные, ведь май же на дворе. Или настоящие, но покрашенные. Так заключили армейские бывальцы, поминая, как к приезду какой-нибудь папахи – инспектора из окружного штаба – красили весёленькой зеленью побуревшую траву. Шустрый Шелег сорвал листок – нет: живой и пахнет.

Армейская служба, в том числе и переподготовка, в обиходе – «партизанка», начинается со стрижки и бани. Что может быть отраднее после долгой пыльной дороги, чем тазик воды да кусок духовитого мыла! А тут к тому же без ограничений – плещись сколько душе угодно! Да не торопясь – старшины нет. Два дедка бородатые, видимо, вольноопределяющиеся – вот и всё обозримое начальство. Дедки – в бане, они же – в столовой, да и в казарму до койки дедки препроводили. Спите, сынки, отдыхайте. Сил набирайтесь. Силы понадобятся…

Сон Ростислава Шелега

Донская степь. Устье Медведицы. Хата деда Фрола с краю хутора. За нею – колхозная бахча. Вот она и снится донскому казаку.

Они с дедом ночуют в соломенном шалашике. Спелое утро. Ростик-малоростик просыпается. В треугольном проёме видны алые лампасы и ломти арбузов, крупно напластованные рукой старого рубаки. Выбираясь из тенёчка, Ростик жмурится и, справив по-скорому малую нужду, мостится к столику. Тут на блюде скибки арбуза, на полотенце ломти ржаного хлеба, в глиняном глечике парное молоко. Взгляд отхватывает всё разом. Но руки тянутся к арбузу. Фу! Фу! Округ пчёлы, ворчат-гудят, тоже норовят к сладости. Деда они облетают, ни одна не коснётся телесного массива, а на него, мальца, сердятся, угрожающе, тычутся, не признавая хозяина. Эвон и сюда, и сюда пучит возмущённые глаза Ростик, торкая себя в грудь растопыренными пятернями, словно прошивают его пулемётной очередью. А дед смеётся: да ведь не кусают же! А и то правда. Дед ведает кудесные заговоры и ни одна пчела не посмеет ужалить ни его, ни тем более «унучика». Потому и улыбается. Зубов у старого вояки осталось не много, а будто как во весь рот сверкают. Может, оттого, что больше глазами смеётся. Дед гладит его по голове, ерошит выгоревшие волосы, а потом берёт на руки и вздымает подвысь, дескать, расти, Ростик! А чтобы быстрее внучек подрастал, креп да закалялся, подтягивает небольшую, но обильную тучку и устраивает дождевой душ. То-то смеху да визгу, когда дед да внук пляшут в пузырящейся луже, обдавая друг друга брызгами.

Не эти ли брызги, создающие радужку, перекидывают мостик в другой сон? Это кузня. Здесь дед мастерит подковы и ухнали – гвозди для ковки. Мехи, раздуваемые ещё могучей казачьей рукой, вспучивают горнило. Почти выправленная подкова раскаляется добела. Дед выхватывает её щипцами, кладёт на наковальню, короткими ударами молотка довершает форму и тут же суёт подкову в воду. Для закалу, поясняет он. Вода шипит, будто ошпаренная, клокочет, сердится. Немного страшно и одновременно весело.

Сон надевается на сон, ровно колечки на игрушечной пирамидке. Вот ещё один. Теперь снится, как дед среди зимы приезжает к ним в город. Он, Ростик, на ту пору первоклассник, гриппует. На ногах деда Фрола ичиги – длинные шерстяные носки, он мягко приходит к его, внука, кровати и подносит к уху спичечный коробок. Оттуда доносится ласковый стрекот. Что это? Дед загадочно подмигивает, тайничок открывается и… Сверчок! Куда девается хворь и хандра?! Прыг с кровати, словно болезни и не было. Вот это подарок! А дед для закрепления процесса выздоровления, оказывается, ещё один сюрприз приготовил. Откуда-то из потая, из присердечного кармашка он извлекает другую коробочку. Сим-сим, открой дверь. Это дед так приговаривает. Открывается створочка. На зелёном листике клевера – это в канун Нового года – покоится божья коровка. Живая? Божья коровка, обиженная недоверием, поводит крылышками: а ты как думал?! «Божья коровка, полети на небо…». Дед с внуком начинают распевать известные детские заклички, а потом, когда запас подходит к концу, придумывают сами: небо рифмуют с хлебом, а приветы – с летом. Ещё бы! Ведь так хочется опять под бок Медведицы, на бахчу, где пахнет арбузами, мёдом, где поют гимн лету укрощённые дедом пчёлы и шмели.

Сон Архипа Малыгина

Для моряка дневной сон – адмиральский час. О чём сны? Когда как. Сейчас о насущном, свежем. Вот облачили во всё белое, чистое. Остальным-то невдомёк… А моряку-подводнику приметно: так экипируют в радиоактивную зону, к реактору. Белая рубаха, белые исподники, белые бахилы с подвязками, счётчик в нагрудный кармашек – этакая авторучечка, которая трещит, как запечный сверчок. Разница лишь в том, что сверчок мажорит, а тут – опаска, сплошной минор… Впрочем, стоп, чего раньше времени… Счётчиков не выдали. Ни кирзачей, ни ботинок, ни бахил – сандалии только лёгкие. Во сне, однако, недоверие: мягко стелют, да жёстко спать. Может, в зону всё-таки… Опыты на людях. Бывало же такое. На взрыв ядерный гнали людей…

И тут как облегчение – батя. Батя всегда является вовремя. На то он и батя. И слова верные, и тон. И даже просто молчание. Скупая улыбка, ласковые мудрые глаза. И этого довольно.

Батя – авторитет. Всем и во всём. А ведь тоже был мальцом. На судострой пришёл со школы. Щуплый был, невысокий. На «букашках»-дизелюшках начинал работать, подлодках чуть не военной поры. В первый же день трудовой биографии отправили на «заказ» – ту самую «букашку». В самой корме надо отдать запорный клапан. Взрослым работягам невпротык – лаз, что лисья норка. Кивают ему. Сунулся – пролез. Ключ 20 на 24. Восемь шпилек. Гайки отдал, то есть открутил, клапан снял. А назад как? Лиса, когда выбирается наружу, ведь разворачивается в норе. Да он-то не лиса, даром, что ещё невелик. Да и места для разворота нет. Вытаскивали мальца за ноги, об острую кромку робу порвали, колено ободрали. Вытащили, а он на ногах не стоит: надышался там в щели угаром масленым да малёхо струхнул, вот и обнесло. Ничего-ничего, скалятся мужики, давая понять, что вроде крещение принял. А вечером к себе в общагу зазвали и ему, шестнадцатилетнему, они, мужики по тридцать и больше, спирта наравных плеснули…

Видится это Архипу и представляется, что всё это было и с ним. С батей, конечно, но и с ним будто. Ведь судострой, флот да судоремонт – составные части единого целого.

Североморск. У причала – стальная акула. Это теперь ваш дом и наша общая государственная крепость, внушает командир новичкам. Батя этот дом и эту крепость ремонтировал, а он, сын, попал служить сюда. Причём гидроакустиком – на ту самую систему, которую батя отлаживал. Батя – Ползунов, Кулибин и Попов в одном лице, первый спец по акустике, а ещё потомственный слухач. Дед его, старовер, певший в старообрядческой общине по крюкам, слышал на сажень крота, по шелесту крыл определял заречную птицу, безошибочно выводил лодку туда, где стоит-дремлет, пуская пузырьки, щука. Абсолютный слух у них с батей от пращура. А у него, Архипа, – ещё и имя. Комиссия призывная удивилась имени. А отоларинголог – слуху: небось, в музыкальном учился? Учился-то учился, да пришлось оставить – нечем стало платить. Середина 90-х – сплошная нищета! Батя, классный специалист, получал копейки. Доходило порой до того, что одной капустой питались. В заводской столовой по карточкам хлеб давали, как в войну. Хорошо, брат выручал. После учёбы в совхозе-техникуме его оставили там мастером. Вот он и подбрасывал кое-чего в город: то картошки, то муки, то лытку мясную…

При мысли о брате сон Архипа меняет курс.

Старший брат Антон потянулся к земле. Батя поначалу ворчал: шёл бы во втуз, на производство. А потом и смирился, заключив, что это гены, ведь он и сам в деревне родился, а стало быть, крестьянский корень дал свежий побег.

Антон осел близ родных батиных мест, на Онеге. Там женился, дети пошли. Но горбачёвско-ельцинская лихоманка порушила весь уклад, все его намерения и планы. Сначала ушлые людишки, неведомо откуда взявшиеся, разорили совхоз, умыкнув ценное оборудование, часть техники и комбикорма. Попробовал Антон с соседями отстоять хотя бы отделение совхоза, да где там! Те же хваткие пришельцы, по сути бандиты, сговорившись с районными временщиками, налогами, проверками да подзаконными актами задушили их артель. Тогда Антон – делать нечего – основал фермерское хозяйство. На пай ему передали трактор, клин пахотной земли и часть пастбища. Завёл коров, отсеялся, всё как полагается, трудился не покладая рук, аж почернел. Да не задалось его фермерство. Что ни год – одни убытки. Молока не сбыть – рынок поделен теми же «братками». Топливо, что ни месяц – дорожает. Ну, не дико ли – литр солярки по цене равен литру молока! Где тут выстоять?! То с хлеба на воду, то с воды на хлеб. А в семье уже трое огольцов. Кормить-поить надо, в школу справлять…

Такой вот сон снился Архипу Малыгину, подводному слухачу. Не сон – сплошные акустические помехи. И это означало только одно – не отлажена или вовсе негодна установленная система.

* * *

После сна состоялось построение. Двадцать с чем-то душ – почти взвод. А перед ними – те два деда с бородами, что обихаживали их в бане и в столовой. Ёшкарне! Как же они опростоволосились! Как же сразу-то не смекнули, что это не вольнопёры. Ведь видна же стать и выправка офицерская, даром что без привычной формы! Ну и ну! А они-то, ухари: вели себя за столом по-панибратски, без субординации! А ну как это – испытанье, проверочка на вшивость и бородачи-командиры теперь отыграется?!

Деды тоже были во всём светлом. Ни погон, ни нашивок – поди догадайся, как обращаться. Но меж собой они отличались.

Один высокий, неторопливый, скупой в жестах. Облачения на нём какое-то старинное, не иначе древнегреческое, так заключил Игорь Смолин, отучившийся два курса в пединституте. Но туника это или тога, определить не смог. Наверное, он старший, возможно даже, генерал – у него и обутка красовитее. Так заключил Архип Малыгин, обратив внимание на сандалии. А на груди что? Может, орден, предположил Шелег. Фибула, пояснил Смолин, не исключено, эмблема подразделения, но добавил без уверенности. Сейчас ведь форма меняется, что тебе женская мода. То фуражка замахом до небес, облака цепляет, то карманы накладные («для сбора дани»), то кепи, как у «пиндосов» или эсэсовцев из зондеркоманды. Это вместо пилотки-то. Поди разбери, чьей армии вояка!

Другой бородач был в длинном рубище, подпоясанном то ли тонким кушаком, то ли ремешком от нагайки, и в светлых портах. При этом босой, даром что земля ещё не совсем прогрелась. Рукава до локтей закатаны, руки мускулистые, работные. Полковник – не полковник, но видать, боевой, не чета нынешним паркетным генералам.

Говорил больше именно он. Стёпка Бурцев, нижегородец, прозванный сходу Разиным, по говору его – окающему да обстоятельному – почуял волжанина: «земеля»!

Ничего особенного на построении сказано не было. Обвыкайте, знакомьтесь друг с другом, думайте. Это пока главное. Режим свободный, всё основано на самосознании и товариществе. В учебной части есть всё необходимое: уставы, история войн, тактика и стратегия современной войны, экономика мировая и отечественная, аналитика, статистика, публикации ведущих экономистов и политологов… О дальнейшем узнаете. Но задача предстоит ответственнейшая.

Доверительное отношение настраивало на деловой лад. Занимались добросовестно и основательно, благо в учебной части всё для этого было: персональные мониторы, аудиокабинки, книжные полки. Всё усвоенное, представленное в доступной, убедительной форме, возбуждало мысли и чувства. Хотелось поделиться, обсудить. Но в учебной части стояла тишина. Так было условлено. Лишь иногда, словно порыв ветра, проносилась чья-нибудь безмолвная реплика. Ты посмотри! Я перед дедом-казаком благоговел. Перед его годками-фронтовиками по струночке ходил, хотя и вырос, а погонами уже и перерос… Они же герои, богатыри… А этот аника-воин, метр с кепкой, который и в армии-то не служил, перед фронтовиками сидит. Хлопок по экрану, как пощечина. И опять – тишина.

* * *

Дневная самоподготовка плавно перетекала в вечерние посиделки, вот тут-то и начинались разговоры-обсуждения, воспоминания да сравнения.

Обихаживали их, как и прежде, деды-бородачи. В разговоры они не встревали, держались просто и ненавязчиво. По вечерам подносили вина. Угощайтесь, сынки. Вино было лёгкое, ласковое. Оно не растравливало душу, а наоборот – успокаивало.

Шелег опять вспомнил своего деда. Однажды на фронтовом биваке казак Фрол раскинул самобранку для двух генералов: Доватора и Белова. Обедом те, хоть фрицы и «поперчили» минами, остались довольны. Доватор помянул сказку, как один мужик двух генералов прокормил. Фрол Шелег насупился: казак, Лев Михайлович, казак, товарищ генерал! Да, добавил Смолин, у классика мужик – двух генералов… А у нас два генерала – целый взвод потчуют…

Смолин с вином не спешил – душа меру знает, – хоть и по вкусу пришлось оно. Это не сырец вперемешку с тушёнкой возле колёс БМП да к тому же вприкуску с дымом… Посвист пуль, чад и копоть. Что там дотлевает в воронке? Резина какая-то – отмёток шины или привода… А ты приглядись. То не резина, то чья-то рука чадит, обдатая фосфором…

Сон Игоря Смолина

Вино уносит от войны далеко – никакой «стингер» не достанет. И из Герата уносит, где ранило, и из Ашхабада, где полгода валялся в госпитале. Куда же уносит ласковая хмельная волна бывалого солдата? Да домой, в Смоленск, на родину.

Казалось бы, какой дом у сироты? Приют, потом студенческая общага, потом казарма, откуда увезли на войну. А вот нет. Дом и семья – это тётя Капа, крёстная мать. Ещё в отрочестве она тайком крестила его. Хотела усыновить, да не позволили: зарплата детдомовской кастелянши крохотная, а жильё – одна комната в коммуналке, мало. Точно приютская спальня с двухъярусными койками – царские палаты. Формально семьёй они с тётей Капой не стали, но духом с мамой Капой соединились навечно и для подтверждения этого обменялись крестиками. Вот этот крестик, что мама Капа повесила ему на шею, провожая в армию, и спас его в Афгане. Он ведает – был знак.

Сон сержанта Смолина пульсирует, что пламегаситель пулемёта, а виденья отскакивают, точно отстрелянные гильзы.

Вот глаза Ленки, его первой и единственной любови. Когда-то ликующие, хохочущие, мерцающие в темноте и удивлённые на рассвете, они потускнели. Она прячет их за веками, не в силах поднять взгляд и глядит на его грудь: слева медаль «За отвагу», справа орден Красной Звезды. Губы её кривятся: ге-еро-ой. Но почему такой тон?! Точно это не она его предала, а он её. Да ведь неправда. Это она польстилась на богатого жениха, выскочила замуж, а потом оказалось, что деньги у того ворованные… Очнись, Лена! Ты сломала жизнь себе, и мою – тоже… Я бросил институт, ушёл в армию, попал на войну, был ранен. Вот здесь, под орденом след от пули… Разве всё это справедливо?!

Жажда справедливости – его корневое чувство. Именно оно побуждает к действию. Вот он, Игорь Смолин, депутат областного совета. Не всё понятно с новыми законами. По сути, кажется, правильно, но за ними, будто тень, возникают подзаконные акты, которые творятся в теневых кабинетах. Голосуешь за одно – правильное и справедливое, – а на деле оказывается совсем другое – лживое и двусмысленное. Да ведь и немудрено. Среди депутатов немало подозрительных лиц. Один из них – бывший муж Ленки: не успела просохнуть печать на судебном протоколе, а он уже на воле, да к тому в народных избранниках и пользуется депутатской неприкосновенностью.

В Афгане было куда как проще. Вот – свои, вот – чужие. Цель на мушке и – пали. А тут, вроде, все свои, а как чужие.

А вот Москва. Поехал туда, узнав про комбата. Его комбат, которого он вытаскивал раненного из-под огня и закрывал собой, чтобы не добили «духи», стал политической фигурой. Майор, Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета или в обратном порядке, но прежде всего крепкий русский мужик, настоящий человек.

Ни в свой кабинет, ни в номер гостиницы, где он проживал, комбат своего спасителя не пригласил – всё прослушивается, увлёк в загородный ресторанчик, подале от чужих ушей. Многое открыл ему комбат в том застолье. Чужих во власти больше, чем своих. А внешне свои – многие куплены, начиная сверху. И этот с пятном, и этот трёхпалый, и те, что в комиссиях по Вильнюсу и Тбилиси… Куплены с потрохами и исполняют чужую волю. А в заключение разговора комбат тихо обронил: остерегайся, Игорёк, а лучше уходи, пока не опутали. Душа у тебя хрупкая, предательства не вынесешь, и не дай Бог чего-нибудь натворишь, сломав себе жизнь.

Больше с комбатом они не виделись. Он погиб с оружием в руках в октябре 93-го года, защищая Белый дом и законную власть. Но где похоронен, где его прах – никто уже не ответит: говорят, закатали танками.

Увидев по «ящику» расстрел Верховного Совета, Игорь ушёл из областной власти и снова подался в армию. Там было проще и, казалось, он, имеющий боевой опыт, там нужнее. Было это в 94-м году. А накануне Нового года их полк бросили на Грозный…

Унесло, было, вино в мирную жизнь, но война опять настигла солдата. Да и куда денешься от горькой памяти?! А кинула она на сей раз сержанта Смолина на площадь Минутки – в самое пекло. Прислонившись к остову разбитой БМП, он тупо глядит, как догорает рука то ли стрелка, то ли механика-водителя. А вокруг вороньё, которое не пугает ни чад, ни канонада. Грачи – на харчи! – хрипит раненый старлей, командир их разбитой роты. Материть министра обороны и трёхпалого верховода бессмысленно – ни совести, ни чести там нет, они, кинувшие в бойню необстрелянных мальчишек, не застрелятся. Стреляется старший лейтенант, принимая на себя вину. Так заведено кодексом офицерской чести.

* * *

Деды-бородачи – оба генералы. Они сошлись на том по настойчивому убеждению Стёпки Бурцева. Не желал Разин, чтобы «земеля» был ниже званием. Однако же уступку сделал: высокий – по боевой подготовке, а его, Стёпки, «зёма» – по хозяйственной части.